МУРЗИЛКА

№10

Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов

ОКТЯБРЬ
1949

1
Гос...арственная
...
...бл...
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

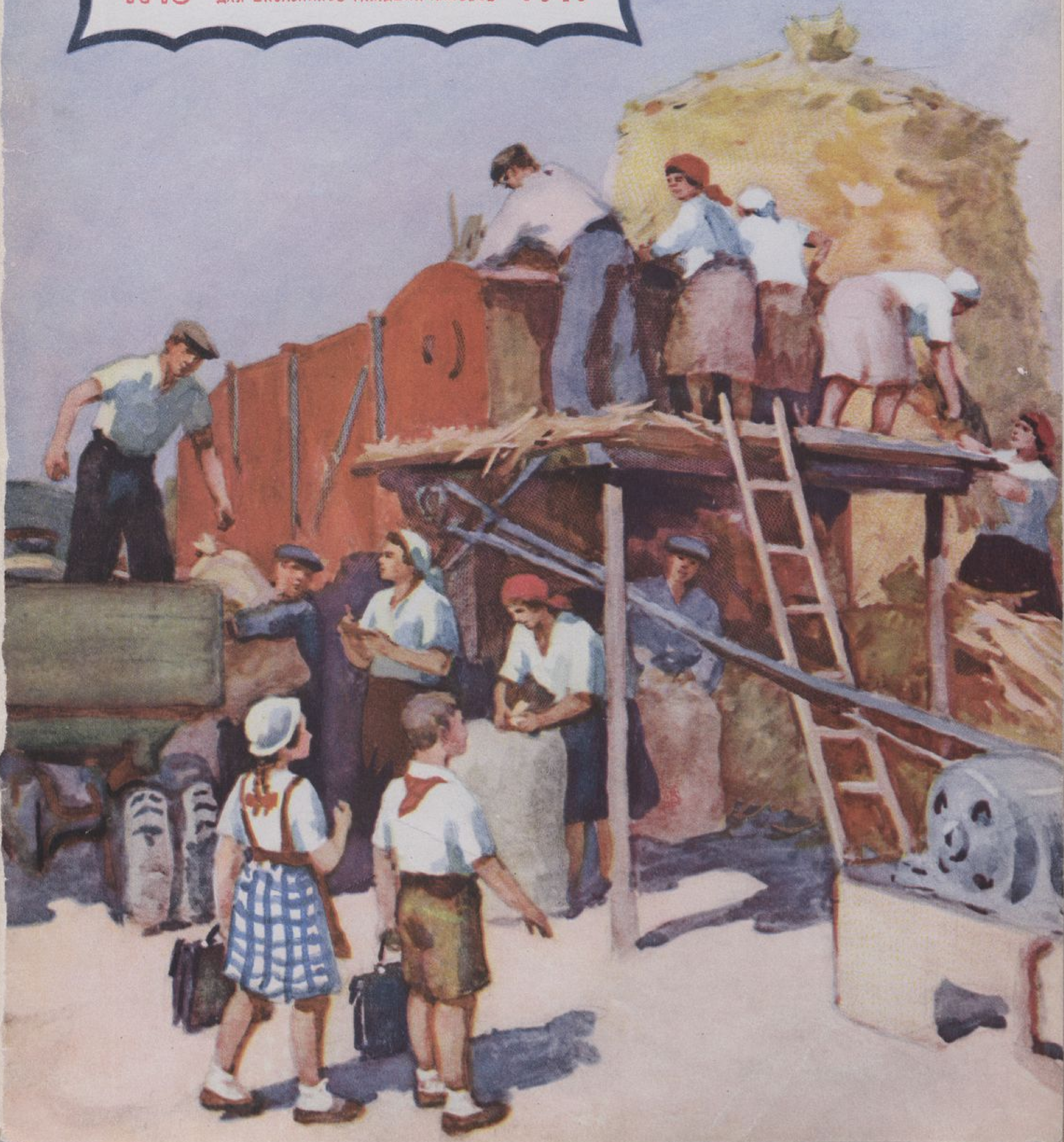


Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

МИКОЛА ШПАК

Журавлики-журавли
Оторвались от земли,
Крылья к небу вскинули,
Милый край покинули.
Закурлыкали вдали
Журавлики-журавли.

Перевёл с украинского Г. АБРАМОВ

Государственная ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Л. ВОРОНКОВА

Рис. В. КОНОВАЛОВА

БАБУШКИНЫ ДЕЛА

Ночью шумел буран. Страшно гудело и завывало в трубе. Жёсткий снег взвивался вихрем и ударялся о стены.

Таня спала в горнице, около маленькой печи.

— Мама, кто это к нам в стены стучится? — спрашивала она сквозь сон.

А мать отвечала:

— Спи, спи — это дед Мороз веселится на улице.

Наступило утро, а дед Мороз всё ещё не унимался.

После завтрака Таня взялась было за полушубок, но бабушка сказала:

— На улице свету белого не видно — сиди дома!

Таня подошла к окну, поглядела в узенькую чистую проталинку. Ох, что творится! Белая вьюга несётся вдоль деревни, снежные вихри взвиваются вверх, и ничего больше не видно — ни дворов, ни берёз, ни леса...

— «Сиди дома»,—проворчала Таня. — Так весь день и сидеть дома? А что дома делать?

— Дел в доме сколько хочешь найдётся, – ответила бабушка. — Вот я буду сейчас кринки мыть, а ты чашки со стола убирай. Только смотри — потихоньку, не разбей.

Таня налила горячей воды в самое глубокое блюдце. Много воды налила, до самых краёв.

— Бабушка, смотри-ка, у меня здесь пруд получился! — сказала Таня.

Но бабушке было некогда, она тёрла кринки мочалкой, отскребала у горлышка жёсткие пенки и не слушала Таню.

Таня взяла одну чашку, синюю с цветочками, и окунула в воду. Вода из блюдца полилась через край, побежала ручьями по столу и на пол.

— Что это там? — спросила бабушка-

— Ничего, — ответила Таня, — это пруд из берегов вышел.

Таня вымыла чашку синюю с цветочками и взяла другую, с ягодками. А когда стала мыть дедушкин стакан, то воды оказалось очень мало. Таня поворачивала его с боку на бок, стакан гремел, звенел и будто сердился.

— Ну и ладно, обойдёшься и так, — сказала Таня и стала вытирать стакан.

Вытерла, поставила, но не тут-то было! Стакан стоял мутный, весь в молочных полосах.

— Бабушка, — сказала Таня, — а стакан никак не моется!

Бабушка тем временем уже перемыла кринки, сполоснула их чистой водой и по-

лым половицам запестрели тёмные капли, будто звёздочки.

А потом взяла веник и стала выметать. Таня так размахивала веником, что весь сор вихрем взлетал кверху.

Бабушка вошла с половиками.

— Тише, тише! — сказала она.—Разве так метут?

И показала, как надо мести: тихо, ровно и сор не расшвыривать. Так они вместе подмели пол и постелили пёстрые дорожки. Чисто стало в избе!

— Вот и всё! — сказала Таня.

— Нет, не всё, — сказала бабушка, — сейчас пойдём гусей кормить.

Она насыпала в бадейку мякины, намяла туда картошки, облила всё горячей водой, замесила. Потом обе покрылись большими платками и пошли во двор.

Гуси уже стояли около своей кормушки и ждали. Увидев бабушку с ведром, они сразу закричали на разные голоса. Таня даже уши заткнула:

— Ой, теги, неподмазаны телеги! Замолчите!

Но они всё кричали и кивали головами, пока бабушка не дала им корму. А как только дала корму, так они уткнулись в кормушку и умолкли.

ставила в печку просушиться и прожариться.

— Ну, что тут у тебя? — сказала она.— Реки и озёра? Давай-ка я тебе помогу!

Бабушка и Таня живо убрали со стола, поставили в шкап посуду и клеёнку вытерли сухо-насухо.

— Ну, вот и всё, — сказала Таня, — вот и кончились дела!

— По-твоему — кончились, а по-моему—начинаются, — сказала бабушка. — Я вот пойду половики вытрясу, а ты бери веник, пол выметай. Да сначала водой побрызгай!

Бабушка собрала с пола пёстрые дорожки, оделась, пошла вытрясать. А Таня зачерпнула из ведра кружку воды и начала брызгать по всему полу.

— Дождик идёт! — кричала она. — Эй, прячьтесь все — дождик идёт!

Брызги разлетались по всей избе — и на стены попало, и на лавки попало, и на сундук попало... И по всему полу, по бе-

Куры тоже прибежали, но подойти боялись. Гуси шипели на них: не подходи, ущипну!

Тогда бабушка принесла горстку овса и посыпала курам в сторонке, чтобы гуси не видели.

— Ну, вот всех и накормили! — сказала Таня.

Но в это время из коровника раздался негромкий, как бы скучающий голос:

— Мм-у-у-у...

А потом из овчарника:

— Бб-я-я...

— Вот так всех накормили! — засмеялась Таня.

Но бабушка сказала:

— Рано, рано запросили. Ещё полудня нет!

И пошла в избу. А Таня вперёд неё побежала. Бабушка вымыла руки, взяла гребень и веретено и уселась прясть кудельку. А Таня стала раздёргивать шерсть — тонко-тонко, по волокнышку.

— Вот спрядёшь кудельку, и работа вся. Да, бабушка? — сказала она.

— Спряду кудельку и скотине сенца дам, — ответила бабушка. — А потом обед собирать — наши с работы придут. После обеда ещё кудельку спряду, а там и убираться надо: скотину поить, скотину кормить, корову доить, за водой итти... А там уж и вечер — в горнице печку топить, картошку варить на ужин...

После обеда сквозь снег и метель явилась Алёнка. Таня обрадовалась.

— Что же ты не шла так долго?

— А ты что ко мне не шла?

— А когда мне? Я всё бабушке помогала!

Подружки уселись играть в куклы. А когда стемнело, залезли на лежанку и принялись рассказывать друг другу сказки. Бабушка входила, выходила, гремела вёдрами, а Таня и забыла, что она ей собиралась целый день помогать.

И только вечером вспомнила, когда Алёнка ушла.

— Бабушка, а что ещё делать надо?

— А ещё — сейчас полезу в подпол, картошки наберу на завтра, капусты достану.

— Бабушка, и я с тобой. Я тоже буду картошку набирать!

Бабушка зажгла лампу, взяла корзинку и полезла в подпол. И Таня с ней.

В подполе было очень интересно. В одном углу лежал целый ворох картошки. В другом — брюква и свёкла. В третьем стояли кадки с капустой и огурцами.

Таня тоже хотела набирать картошку. Но бабушка сказала:

— Не грязни руки. Лучше выбери себе брюкву.

Таня выбрала брюкву, посмотрела, а у неё бочок погрызенный.

— Бабушка, смотри-ка! Кто-то брюкву обгрыз.

— Это мыши, — сказала бабушка. — Вот негодные!

Таня живо оглянулась.

— А где они живут?

— Да где-нибудь тут, в норочках.

В это время сверху спрыгнул в подпол кот Михей. И сразу пошёл лазать по углам. Глаза у него в темноте светились, как зелёные огоньки.

— Вот Михей знает, где мыши живут, — сказала бабушка, — он их проучит.

Бабушка набрала в корзину картошки, положила из кадки капусты в большую миску, взяла морковку для супа.

— Ну, полезем, — сказала она.

— Сейчас, бабушка, — ответила Таня, — только подожди, я себе огурчик достану!

Таня приподнялась на цыпочки и достала из кадки большой солёный огурец. А когда увидела, что бабушка уже ногу на ступеньку поставила, то ей вдруг стало страшно в тёмном и тихом подполе.

— Подожди, подожди, — закричала она, — чур, я первая вылезу!

Таня и бабушка вылезли. А кот в подполе остался, мышей искать.

— Вот мы и управились. Да, бабушка? — сказала Таня.

Но в это время загремела дверь на крыльце, заскрипели морозные шаги — в избу вошла мать.

— Ой, вьюга все глаза залепила! — сказала она, отряхиваясь. — Еле дошли из риги!

Снова загремела дверь — пришёл дедушка.

— Накрывай на стол, Таня, — сказала бабушка, — будем ужин собирать!

— Ой, бабушка, — сказала Таня, — а когда же твоим делам конец?

Бабушка улыбнулась и ответила:

— **Моим** делам конца не бывает!

НОВЫЙ ДОМ

Рядом с нашим детским садом
Кирпичи лежат кругом —
За железною оградой
Строят светлый, новый дом.
Целый день шумят машины,
Чтобы рос он поскорей.

Будет в нём сто тридцать окон
И двенадцать этажей.
В этом доме для ребят
Будет новый детский сад.
Мы пойдём к ребятам в гости,
Если только пригласят!

Сергей ***БАРУЗДИН***

Сергей АНТОНОВ

Рис. К. КАЩЕЕВА

ПЛОХОЕ ПЕРО

Был у нас учитель Николай Иванович. С бородкой и в круглых очках. Сам длинный и худой. Ходил всегда в чёрном пиджаке, никогда на этом пиджаке — ни пылинки, ни нитки белой, как у других.

Занимался он с первым классом. Шёл урок письма. Все склонились над партами и от усердия, казалось, даже замерли, дышать перестали. Хотели, чтобы красиво получилось, чисто, без ошибок.

Только Ваня Мельников то и дело тёр резинкой бумагу, что-то ворчал про себя, громко дышал.

Вот он обмакнул перо в чернильницу. Только поднёс к тетради, капля — хлоп!— и на строчки. Клякса! Промакнул её, написал полслова — плохо получилось, да и последнюю букву размазал. Ваня как выдернет перо из ручки и швырнёт на пол...

Все посмотрели на Ваню, писать перестали.

Николай Иванович, ничего не сказав, спокойно нагнулся, поднял перо, вытер его бумажкой и посмотрел перо на просвет: «Как будто ничего перо».

Потом он вставил его в свою ручку и подошёл к Ване.

А у того в тетрадке кляксы да подтирки. Слова и вкривь и вкось. Буквы и маленькие и большие.

Николай Иванович взглянул в тетрадь. Смотрел, смотрел и хотел что-то сказать.

— Так перо плохое! — проговорил Ваня, оправдываясь.

Николай Иванович ничего не ответил. И, пользуясь молчанием, Ваня сказал:

— Царапает и вообще плохое...

Николай Иванович опять промолчал.

Он обмакнул в чернила ручку, в которую было вставлено перо, брошенное Ваней, и подсел к мальчику.

Он исправил Ване каждую букву, а внизу красивым ровным почерком написал:

«Перо плохое. Вот видите, как оно пишет».

С тех пор никто в классе Николая Ивановича никогда не жаловался ни на перья, ни на чернила, ни на ручки, никто не сваливал вину на безответные вещи, на товарища, который слабее тебя.

А пером тем Николай Иванович писал красиво и долго, чуть не с полгода.

ДВА ОКНА

Я. ТАЙЦ

Рис. И. АРХАНГЕЛЬСКОЙ

Во всех классах по три звена, а в третьем «Б» всего два. И то они недавно чуть не поссорились.

Дело было так.

Был сбор отряда. Решили провести озеленение. А в классе два звена и два окна. Вот и постановили: одно окно дать первому звену, Галиному, а другое — Марусиному. Пускай соревнуются!

Галя сразу после сбора пошла к своей бабушке.

У бабушки очень много всяких растений. У неё даже специальная лесенка сделана, и на ступеньках стоят горшки с цветами.

Тут и колючий, как ёж, кактус, и маленькая пальмочка, и лотос, и бегония, и «ванька мокрый», и всякие другие растения.

Галя выпросила у бабушки кактус, пальмочку и «ваньку мокрого», притащила в класс и поставила на свой подоконник. Озеленила его!

А вслед за ней и другие девочки из первого звена тоже принесли горшки с цветами. Кто — герань, кто — фуксию с «люстрочками», кто — ещё что. Столько набрали цветов, что с трудом разместили на широком школьном подоконнике.

А у Маруси такой бабушки не было. Поэтому она просто пошла к маме.

— Мама, дай мне денег!

— Зачем?

— А у нас озеленение. Мне надо подоконник озеленить.

— Ладно! Это дело хорошее.

Мама дала ей денег, и Маруся накупила цветов. И пионы, и золотые шары, и астры... Принесла в класс и в банках с водой расставила на подоконнике.

Другие девочки из её звена тоже принесли много букетов.

В третьем «Б» стало очень красиво. Стали смотреть: чей подоконник лучше?

Пожалуй, Марусин подоконник выглядел нарядней. Пионы, астры и золотые шары весело сверкали яркими лепестками — не то что колючий кактус или маленькая пальма, которая и на пальму-то не похожа!

Марусино звено радовалось.

Но радоваться пришлось недолго. Наступила зима, и пионы и золотые шары завяли. А купить новые негде. Пришлось их выбросить. И Марусин подоконник стал голый и скучный.

А Галин подоконник, как был зелёный, так и остался. Колючий кактус, и пальмочка, и бегония, и герань попрежнему росли да росли себе в горшочках с землёй.

Маруся этого не стерпела. Один раз она пришла в класс раньше других, подошла к Галиному окну, взяла кактус, взяла пальмочку и перенесла на свой подоконник.

Сразу стал совсем другой вид!

Но тут пришли другие девочки. Пришла и Галя. Посмотрела на подоконники и рассердилась:

— Кто взял наши цветы?

— Я, — призналась Маруся.

— Зачем брала? Кто позволил?

— Никто! — отвечала Маруся. —

А просто некрасиво, когда голое окно. Потому что надо озеленение...

Но Галя не стала её слушать:

— Вот ещё! Поставь на место. Это не ваши цветы. Это нашего звена цветы!

И стала забирать обратно и кактус и пальмочку.

Но Маруся не захотела уступать и давай отпихивать Галю. Но Галя сильней, и Маруся не могла с ней справиться. Тогда она закричала:

— Девочки! Сюда! Не отдавайте!

Тут, конечно, и Галя закричала:

— Девочки! На помощь!

Все девочки из третьего «Б» столпились у подоконника. Начался спор, крик... В классе поднялся такой шум, что из учительской прибежала испуганная Ольга Ивановна:

— Что случилось, девочки?

Она долго не могла понять, в чём дело. Наконец, когда все немного утихомирились, Галя, растрёпанная, красная, сказала:

— Ольга Ивановна!.. Потому что Маруся неправильно... Она с нашего окна цветы берёт... На своё ставит...

Тогда Ольга Ивановна взяла Галю за руку, отвела к стене и сказала:

— Посмотри-ка, Галочка, издали. Как, по-твоему, лучше? Когда цветы на одном окне или на обоих?

Галя издали долго смотрела на окна, потом опустила голову и ничего не сказала. Только всё свой чёрный передник теребила.

А на первой переменке она подошла к своему окну, взяла горшок с бегонией, и «ваньку мокрого», и фуксию с «люстрочками» и перенесла на Марусин подоконник.

— Только аккуратней поливайте, — сказала она.

Тут все девочки захлопали в ладоши, и оба звена помирились.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Н. НАДЕЖДИНА

Рис. Е. РАЧЁВА

ЛЕСНАЯ ОСЕНЬ

ОДИНОКИЙ КЛЁН

На опушке леса одиноко стоит большой, раскидистый клён. В его листве уже засверкала золотая проседь. Когда дует ветер, с клёна сыплется осенний, огненный лист. Кажется, будто с веток слетают, кружатся над опушкой жар-птицы.

А немного поодаль, в лесу, такие же клёны ещё зелёные. В лесу лето, а на опушке осень.

Почему же клён на опушке стал ронять лист раньше своих сверстников? Те растут под защитой леса, в большой семье, а он стоит один, бобылём. Одинокое дерево раньше желтеет, к одинокому раньше приходит осень.

ПАЛЫЙ ЛИСТ

С каждым днём слышней и слышней в осеннем лесу горьковатый запах палого листа.

Всё лето работали листья, кормили дерево, добывали ему питание из воздуха. А теперь они стали ненужными. Зелёное лето окончилось. У деревьев наступает пора зимнего покоя.

И вот лист, который шумел в поднебесье, который там, на вершине, первым в лесу встречал восходящее солнце, теперь лежит на земле. Осенний ветер сделал своё дело.

Но и этот палый, отброшенный деревом лист ещё будет служить лесным жителям долгую службу. Ёж устроит себе из него зимнее гнездо, укроется в нём от холода. Шумный ворох сухих листьев потащит в нору барсук, утеплит свои подземные хоромы.

Не пропадает даром и лист, который остался лежать под деревьями. Лесная подстилка будет беречь в земле влагу. Она не позволит траве разрастись, заглушить всходы лесных семян.

Источенный ветром и каплями дождя, лист истлеет, удобрит землю. В эту жирную, богатую перегноем землю войдут корни лесной молоди — смены старого леса. И палый лист, превратясь в чёрные соки земли, будет кормить молодые деревца, на ветках которых зашумят другие, новые листья.

СИНИЧИЙ РАСЧЁТ

Многие птицы к осени собираются в стаи. Вместе летают, вместе кормятся: скворцы со скворцами, дрозды с дроздами. И только в синичьей стае особый порядок. Здесь часто встречаются чужаки: и поползень, и пищуха, и дятел с красным пятнышком на затылке.

Он, красноголовый, и верховодит стаей. Куда полетит — следом за ним вся синичья компания: и хохлушка, и гаечка, и московка, и желтогрудая синица-большак.

Трудно синицам осенью разыскивать добычу. Попрятались насекомые в зимние убежища. Под корой дерева, как в блиндаже, укрылись жирные личинки. Синичьему слабому клюву такую броню не пробить.

Зато у дятла клюв длинный, крепкий. Разбил дятел клювом козявкин блиндаж, покормился, перелетел на другое дерево. А синицы — тут как тут. Обшаривают пробитую дятлом щель: не осталось ли чего на нашу долю? Осмотрят и труху у подножия дерева. Подберут личинку, оброненную дятлом.

Перекусили синицы и снова с ветки на ветку скок-поскок — догонять дятла.

— Ци-ци-гэ-э... ци-ци-гэ-э... (где же он?) — беспокойно выкрикивает пухленькая гаечка в чёрной бархатной шапочке. А самая маленькая из всех синиц — московка — откликается:

— Тюй-пи... тюй-пи... (вот он, вот он!)

Значит, не зря принимают синицы дятла в свою стаю. Есть у них на это свой синичий расчёт.

ВЕРЬ НЕ ВЕРЬ

Надежда БЕЛИНОВИЧ

Рис. Ю. КОРОВИНА

Московская сказка

Жил да был в Басманной части,
Где сады шумят теперь,
Хитроумный русский мастер
По прозванью Верь-не-верь.

Был от скуки на все руки,
Знал слесарные науки.
В день построит теремок,
В полчаса скуёт замок.

Он придёт с завода ночью,
Спят соседи-москвичи,
Верь-не-верь не спит, а точит
Говорящие ключи.

Новый ключ огнём горит,
Сам с собою говорит:

— Звякну, щёлкну я разок —
Отопру любой замок.

Перед другом двери настежь,
Пред врагом закрою дверь.
Я в тебя удался, мастер,
Я такой же, верь не верь!

А на жёрдочке высокой
В лад ключу поют чижи:

— Что хвалиться раньше срока?
Ты сначала послужи!
Гость стучится у дверей —
Отвори ему скорей!

В самом деле, утром рано
Осторожною рукой
Постучался гость нежданый
В дверь слесарной мастерской.

Распахнулись двери настежь,
И вошла ткачиха Настя,
Настя, девица-краса,
Ниже пояса коса.

Верь-не-верь любил работу,
На досуге слушал птиц.
Не ходил он за ворота
Любоваться на девиц.

Тут он глянул и зарделся,
Он зарделся, загляделся,
Загляделся, онемел,
Молвить слова не сумел.

— Здравствуй, здравствуй! —
Свищут Насте
Говорливые чижи.
Поздоровался и мастер.
— Кто ты, девушка, скажи?

— Я ткачиха-челночиха,
Одеваю всю Москву,
Да сама не щеголиха,
Небогато я живу.
А пришла к тебе по делу:
Все соседи говорят,
Будто мастер ты умелый,
Хоть и тоже небогат.
Сделай милость — удружи .
— В чём же дело? Расскажи!

— Расскажу я без утайки:
Мы работаем за грош,
Да у скаредной хозяйки
И того не наживёшь.
Я хожу в посконной ткани,
А купчиха в тарлатане,
Но скажу, не утая,
Что её одела я.

У неё чепец из кружев,
По браслету на руках.
У неё на Пресне служат
Сто ткачих и двести прях.

Все ткачихи
Нравом тихи,
Тише всех, конечно, я.
Мне не только у купчихи, —
Мне и дома нет житья.

Я ничуть не белоручка,
Мой станок за полночь ткёт;
Только всю мою получку
Злая мачеха берёт.
Я работаю до света,
А гляди, во что одета!

Кабы ты мне сделать мог
Несменяемый челнок,
Я бы меньше уставала,
Вдвое больше успевала,
Не томилась, как теперь...
— Ладно! — молвил Верь-не-верь.

Попрощался он с девицей,
Запер дверь и сел трудиться.

Сделать надо не замок —
Несменяемый челнок!

Не простая это штука,
Не забава, не игра,
Да слесарная наука
На все выдумки хитра.

Верь-не-верь сверлил, буравил,
Челночок наславу справил
И понёс на Подвески
С дальней Яузы-реки.

Там стоит и до сих пор
Серый домик да забор,
Мезонин в одно оконце,
Покосившаяся дверь.

И, заслышав веретёнце,
Постучался Верь-не-верь.

— Здравствуй, мастер!
— Здравствуй, Настя!
Я принёс работу в срок.
Получай, дружок, на счастье
Несменяемый челнок.

Не нужна твоя мне плата —
Ты мне по сердцу сама.
Поджидай, невеста, свата,
Чуть на двор придёт зима!

Вот бегут часы, минутки,
Из часов выходят сутки,
Ночь и день да день и ночь —
И вторые сутки прочь.

Днём и ночью тянет нитку
Несменяемый челнок,
Полотна он может выткать
Втрое больше за урок.

Но невесело Настасье
За работой у станка:
Видно, нет ей в жизни счастья,
Хоть легка её рука.

Уж зима стучится в дверь,
Холод и ненастье,
А неверный Верь-не-верь
Позабыл о Насте.

Да не ведает она,
Что и он не знает сна:

Он в слесарной мастерской
От зари до ночки
Точит, пилит день-денской
Ключики, замочки.
Точит, пилит взаперти
При свечном огарке,
Чтобы к свадьбе припасти
Для неё подарки.
Лёг на речку тонкий лёд,
Мастер свататься идёт.
В новой шапке и кафтане
Да с подарочком в кармане
Он идёт на Подвески
С дальней Яузы-реки.

На знакомое крылечко
Входит мастер Верь-не-верь,
Вынимает два колечка:
— Ну-ка, Настенька, примерь!

Перстенёк надела Настя, —
Он, как звёздочка, горит.
— Благодарствуй, милый мастер, —
Настя другу говорит. —

Верь не верь, кольцу я рада,
Буду век его носить.
Да у мачехи нам надо
Позволенья попросить!

— Что ж, попросим, коли надо! —
Мастер к мачехе пошёл
И по старому обряду
Чинно сел за белый стол.

А она сидит на лавке
В полушалке голубом,
А глаза-то, как булавки,
Так и колют всех кругом.

Говорит она: — Ну что же,
Ты годишься мне в зятья.
Только мне всего дороже
Дочка милая моя.

Если ты, любезный зять,
Хочешь Настю замуж взять,
Так на грядках, где картошка,
Выстрой домик расписной
Без единого окошка,
С крепкой дверью навесной.

Если дом, а не сарай
Ночью выстроишь за тыном,
Свадьбу с Настенькой играй
По обычаям старинным!

Коротки деньки зимою.
Загорелись до зари
Золотистою тесьмою
Масляные фонари.

Но до самой поздней ночи
Спать округа не могла.
То бревно топорик точит,
То в бревне визжит пила...
А на зорьке вырос дом, —
Люди ахнули кругом!

Словно прошва полотенца,
По стене идёт узор,
На столбах точёных сенцы,
Крыша — клетчатый шатёр.

Во саду ли, в огороде
Дом стоит при всём народе,
Не глядит на белый свет —
У него окошек нет.

По хозяйскому заказу
Строил мастер дом безглазый.
Окон нет, а дверь крепка,
Вроде крышки сундука.

Смотрит мачеха спесиво,
Молвит мачеха учтиво:
— Что ж, любезный Верь-не-верь,
Смастери замок теперь,
Заколдованный замок,
Чтоб никто открыть не мог.
А не то ночные воры
Так и рушат все запоры.
Коли сам не отопрёшь,
Замуж девушку возьмёшь!

* * *

Месяц в облачных подушках
И горит и не горит.
Ходит сторож с колотушкой.
— Слушай! Слушай! — говорит.

Все уснули ночью чёрной,
Воет вьюга, точно зверь,
До утра стоит у горна
Славный мастер Верь-не-верь.

Он замок пятипудовый
Изготовил на заре,
И народ толпится снова
У старухи на дворе.

Верь-не-верь сегодня весел.
Он замок на дверь повесил,
Запер свой узорный дом
Заколдованным замком.

Ходит, звякает ключами...
Нет, замка не отопрёшь!
— Что ж не пахнет калачами?
Что ж невесту не ведёшь?

Злая мачеха в ответ:
— А твоей невесты нет!
То ль в колодце утопилась,
То ль к родне сбежала в Тверь.
Горе горькое случилось.
Что поделать, верь не верь!

Постоял, подумал мастер
И пошёл своим путём.
Ждёт он весточки о Насте
Иль гонца с её письмом.

От тоски сердечной, что ли,
Чуть в Москву пришла весна,
Мастер выпустил на волю
Певчих птичек из окна.

Улетели в небо стаей
Говорливые чижи
И свистели, улетая:
— Будь здоров, да не тужи!

И однажды жарким летом,
В тишине перед рассветом
Стук услышал Верь-не-верь,
Да в окошко, а не в дверь.

Посмотрел он, кто стучится.
Что за диво! Это птица.
Принесла она кольцо,
А в колечке — письмецо.

Не пером его писали
На линованом листе,
А иголкой вышивали
Слово к слову на холсте.
Вот обрадовался мастер —
Письмецо прислала Настя!
«Здравствуй, милый, я живу
Ни во сне, ни наяву,
В тёмном доме без оконца,
В ясный день не вижу солнца.
И сижу я за станком,
За бессменным челноком.

Мне лишь свечка восковая
Тускло светит, оплывая.
Злая мачеха меня
Заперла средь бела дня.
Опоила сонным зельем,
Заточила в эту келью,
А за мною запер дверь
Ты, мой милый Верь-не-верь.
Твой замок пятипудовый
Сторожит мой дом дубовый.
Будь здоров, да не скучай.
Коли можешь, выручай!»
Прочитав письмо от Насти,
За работу взялся мастер.

А работа нелегка —
Ключ для хитрого замка,
Для замка, который мастер
Отпереть и сам не властен.

Вот проходят день и ночь,
День и ночь — и сутки прочь.
В мастерской — ключей десятки,
Да у всех у них нехватки:
Этот тонок, этот толст,
Тот мудрён, а этот прост.
Этот — с длинною бородкой,
А другой — совсем с короткой.

Наконец на третью ночь
Ключик выточен точь-в-точь,
Ключ, как будто подходящий,
Не простой, а говорящий.

Он сказал без лишних слов:
— Ладно, мастер, я готов!
По хозяйскому приказу
Все замки открою сразу!

Вновь проходят день и ночь,
Ночь и день — и сутки прочь.
К Насте мачеха стучится,
Чтоб просунуть через щель
Для ткачихи-мастерицы
Пряжу белую — кудель.

В доме мёртвое молчанье,
Чуть горит внутри свеча.
Вдруг послышалось ворчанье
Говорящего ключа:

— Не найдёшь теперь девицы —
Я открыл ей дверь темницы.
Коли хочешь, посмотри,
Есть ли кто-нибудь внутри.
Поверни меня разочек —
Отомкну тебе замочек!

В двери мачеха вошла,
А уж выйти не могла.
По хозяйскому приказу
Повернулся ключ два раза
И на долгий-долгий срок
На дверях замкнул замок.

Он замкнул с такою речью:
— По заслугам и урок
Тем, кто счастье человечье
Запирает на замок!

Я — заветный ключ от счастья,
Честным выточен трудом,
Дверь открыть могу я настежь,
Чтобы свет ворвался в дом!

* * *

Над Москвою всходит солнце.
Чуть пошлёт оно лучи,
В светлом доме у оконца
Настя крутит веретёнце,
Точит муж её ключи.

Вместе весело трудиться,
Думать весело вдвоём,
Что откроют все темницы,
Как открыли тёмный дом.

Что заветный ключ от счастья
Распахнёт любую дверь,
Как открыл её для Насти
Славный мастер Верь-не-верь.

Сгинет всяческое лихо,
Будет лад да благодать,
И тогда уж не купчиха,
А ткачиха-челночиха
Станет делом заправлять.

Так иль нет мечтала Настя,
Неизвестно нам теперь,
Верить, нет ли — в вашей власти.
Ведь недаром старый мастер
Прозывался Верь-не-верь.

И ключей волшебных связка
У него была в руках.
Верь не верь — такая сказка
Родилась на Подвесках.

И. МАРКОВ

Рис. Н. КОГОУТА

КАК БЫЛ ИЗОБРЕТЁН САМОЛЁТ

Кто из вас умеет запускать воздушного змея? Наверное, все.

Когда я был школьником, мы делали коробчатых змеев с трещотками. Такой змей летит и трещит, совсем как самолёт. Ветер подхватывает его и поднимает под самые облака.

А в тихую погоду надо бежать и тянуть змея за нитку. Он всё равно будет летать от встречного ветра.

Если тянуть змея быстро, — а сам он достаточно большой, — то к нему можно привязать грузик, и змей поднимет грузик ввысь.

А если сделать очень большого змея, сможет ли он поднять человека? Как вы думаете?

Около девяноста лет назад к ребятам, которые играли в лапту на улице одной деревни, со всех ног бежал раскрасневшийся босой парнишка. Ещё издали он кричал:

— Ребята, чудо! Чудо!

А следом за парнишкой на широкую деревенскую улицу галопом вкатило само «чудо». Это была телега, запряжённая тройкой лошадей. Огромный коробчатый змей, как сказочный дракон, летел сверху за телегой, привязанный к ней канатом.

На летящем змее лежал человек, одетый в чёрную морскую форму.

Старушка с вёдрами в руках, переходившая улицу, увидя змея, от удивления выпустила вёдра. Потом дрожащей рукой сотворила крестное знамение и сказала:

— Чур меня! Нечистая сила! Опять грязновецкий барин озорует! Нехристь!

Однако нечистая сила была здесь ни при чём. И «нехристь» совсем не озоровал, а занимался серьёзным делом.

На змее летел будущий изобретатель самолёта — Можайский.

Казалось бы, простая штука — бумажный змей. Каждый малыш может его сделать. Но изучение полёта этой игрушки привело к великому изобретению.

* * *

Александр Фёдорович Можайский родился 9 марта 1825 года. Отец его был военным моряком.

Когда пришло время учиться, мальчика отдали в школу морских офицеров.

Он учился хорошо и получал отличные отметки почти по всем предметам. Но скоро учителя заметили, что особенно его интересует всё, что можно узнать о воздухе.

В Морском корпусе маленького Можайского обучали искусству водить по морю парусные корабли, которые движет сила ветра. Но сам он уже тогда начал мечтать о большем. Он мечтал использовать силу ветра, движущегося воздуха, чтобы полететь в высоту. Он задумал создать летательный аппарат.

Быть может, мысль об этом пришла, когда он пускал с ребятами воздушного змея.

Можайский отлично кончил Морской корпус и стал плавать на больших парусных кораблях. Он был образцовым офицером, справедливым человеком. Матросы очень любили его.

Он ходил в дальние плаванья, побывал в полярных водах.

И среди льдов севера и под жарким яркосиним тропическим небом молодой офицер всё свободное время отдавал науке.

В своей маленькой каютке на носу корабля он прочёл множество книг, придумывал и сам делал различные приборы.

Плавая по морям и океанам, Можайский внимательно наблюдал полёты морских птиц.

Он думал: если воздух в состоянии нести птицу, он должен держать и сделанный руками человека аппарат. Надо только, чтоб этот аппарат был сделан правильно.

Но как именно сделать его правильно? Построить аппарат, машущий крыльями? Нет, не стоит пробовать. К тому времени десятки изобретателей в Англии, Америке, Германии, Франции уже пытались построить аппарат, подражающий птице. И никому из них не удалось взлететь на таком аппарате.

А нельзя ли сделать аппарат, похожий на воздушного змея? Ведь змей, сработанный человеческими руками, летает.

И Можайский стал задавать себе такие вопросы:

Что заставляет змея взлетать? Что удерживает его под облаками? Сможет ли очень большой змей поднять человека? Как полунше сделать такого змея? Как сделать, чтобы летать на змее, куда хочется, а не куда дует ветер или куда тянут с земли?

В 1863 году Можайский временно перешёл из морской службы в гражданскую. Он поселился в Грязовецком уезде тогдашней Вологодской губернии. Там-то и был построен огромный змей-дракон, появление которого произвело переполох в соседней деревне.

Испытания показали, что змей Можайского может нести по воздуху человека.

После опытов со змеем изобретатель понял, что надо заменить лошадей и канат чем-то иным, что тянуло бы змея вперёд, находясь при этом не на земле, а на самом змее.

Можайский был моряком. Это пригодилось ему. Хотя в те времена большинство судов ходило под парусами, но были уже пароходы и суда, ходившие одновременно силой пара и силой ветра. Александр Фёдорович, конечно, знал их устройство. Ему приходилось плавать на пароходе.

Пароход двигался с помощью паровой машины. Поэтому-то его и назвали «пароход». Паровая машина вращает винт. А винт ввинчивается в воду, как шуруп в дерево, и тянет за собой пароход. Или толкает его вперёд.

«Нельзя ли сделать маленькую, но сильную паровую машину? — соображал Можайский. — Такую машину можно было бы установить на змее. Она станет вращать винт, а винт, врезываясь в воздух, потянет змея вперёд. Тогда не потребуется больше ни лошадей, ни каната. Змей полетит сам. Он станет самолётом».

Придя к этой мысли, Можайский не стал откладывать дела в долгий ящик. Это было не в его характере.

Он начал придумывать, как сделать нужную машину, винт и как управлять змеем в воздухе.

Много бессонных ночей провёл изобретатель над чертежами. Это было не простым делом: создать новый тип лёгкой, но мощной паровой машины. Все паровые машины того времени были громоздкими и слабосильными.

Однажды, в необычно ранний час, он отложил в сторонку чертёжные принадлежности и достал из шкафа огромную кожаную папку с металлическими застёжками. Потом, перебирая лист за листом, уложил в папку все чертежи. Они были готовы.

* * *

Теперь можно было приступать к постройке самолёта.

Можайский обратился к царским чиновникам в Петербург. Он просил дать денег на постройку самолёта. Ведь самолёт нужен был не самому Можайскому, он нужен был России. Но чиновники долго тянули с выдачей денег, изобретателю пришлось многие работы выполнять за свой собственный счёт.

И вот 20 июля 1882 года на поле в Дудергофе, близ Петербурга, собрались рабочие, построившие первый самолёт, учёные и представители военного ведомства. Рядом, на холме, спуск с которого был устлан досками, стоял самолёт. В самолёте сидел первый русский лётчик Голубев. Это был один из ближайших помощников Можайского.

Самому изобретателю, которому исполнилось уже пятьдесят семь лет, подниматься в воздух не разрешили. Но он находился тут же, рядом. Он в последний раз инструктировал Голубева и подал команду к взлёту. Голубев дал машинам полный ход, самолёт покатился по деревянной взлётной дорожке.

Он бежал всё быстрей и быстрей, дорожка кончилась, и... самолёт полетел. Громкое «ура» огласило поле. Это была торжественная минута.

Американцы только через двадцать лет смогли построить летательный аппарат тяжелее воздуха, приспособив для вращения винта бензиновый мотор вместо паровой машины.

Веками люди мечтали овладеть воздухом. Десятки лучших умов во всех странах мира пытались сделать человека крылатым.

Русский изобретатель Александр Фёдорович Можайский осуществил эту мечту. Первый на земле лётчик, русский человек Голубев повёл его самолёт в воздух.

Россия подарила человечеству крылья. И мы, советские люди, гордимся этим.

Ник. СЕВЕРИН

Рис. Т. РЕЙН

В УГОЛКЕ ДУРОВА

Ребята! Вы, наверно, все читали рассказ А. П. Чехова «Каштанка». Историю этой рыженькой собачки писатель не выдумал. О Каштанке ему рассказал его друг, артист цирка, Владимир Леонидович Дуров. Каштанка была первой дрессированной собачкой дедушки Дурова. Попала она к артисту случайно. Раз зимой Владимир Леонидович вышел из дому. Шёл снег. Густо падали мягкие пушистые хлопья. Рыжая собачка прижалась к двери подъезда. Она тихо повизгивала, не зная, куда бежать и где обогреться. А снег всё падал и падал. Он облепил собачку с ног до головы. Каштанка была похожа на снежный комок, из которого поблескивали большие грустные глаза.

Владимир Леонидович наклонился над собачкой. Смахнул рукой снег с её спины, ласково погладил и приветливо позвал в открытую дверь.

Каштанка поняла, что этот человек — её друг. И она доверчиво пошла за ним.

Так рассказывал дедушка Дуров о своей первой встрече с Каштанкой. Владимир Леонидович ласково ухаживал за собачкой, хорошо кормил её. Когда она поправилась и привыкла к нему, стал с нею заниматься. Каштанка оказалась очень понятливой. Она быстро освоила много интересных номеров. Дедушка Дуров включил её в число своих артистов. И Каштанка вместе с другими четвероногими артистами стала выступать в цирке.

Как-то раз старый хозяин Каштанки пришёл в цирк. Он, к своему удивлению, на арене увидел Каштанку.

— Каштанка! — крикнул он во весь голос.

Собака, услышав знакомый издавна голос, бросилась с арены и, прыгая через ряды, скакала к своему хозяину.

Столяр хотел взять Каштанку. Но дедушка Дуров не соглашался её отдать. Он уже полюбил эту рыженькую собачку и многому её научил.

Столяр подал в суд, требуя обратно Каштанку.

Суд решил отдать собаку её старому хозяину.

Дедушка Дуров предложил столяру за Каштанку большие деньги. Тот согласился. Судьи увидели, что столяр не так уж сильно привязан к Каштанке, и решили собаку оставить у дедушки Дурова.

Вот эта история рыжей собачки и послужила материалом для чеховского рассказа «Каштанка».

У дедушки Дурова после Каштанки было ещё несколько дрессированных собак: Бишка, Запятайка, Лорд, Рыжик, Пик и Шпиц. Много интересных номеров выполняли они.

Самой интересной из них была Запятайка. Она, например, узнавала на карте моря. И ни разу не перепутала Каспийское море с Белым или Азовским.

Ребята очень любили смотреть этот номер.

На арене цирка дедушка Дуров раскладывал большую географическую карту.

— Будьте любезны, уважаемый «профессор», укажите нам с точностью, где находится Белое море! — обращаясь к Запятайке, говорил дедушка Дуров.

Запятайка подбегала к карте и лапкой указывала на Белое море.

— «Профессор» был на севере! — кричали восторженно ребята.

— Не был ли «профессор» в Ледовитом океане, не он ли открыл Северный полюс? — задавали шутливый вопрос зрители.

— Запятайка открыла Северный полюс! — смеялись ребята.

Много самых сложных номеров выполняла Запятайка.

Однажды в городе Пензе, на вечере, подойдя на задних лапках к губернатору, Запятайка вручила ему прошение об освобождении пойманных бродячих собак.

Губернатор был сильно изумлён. — Что такое?.. — бормотал он, принимая от собаки свёрток бумаги.

Развернул, начал читать и громко рассмеялся.

— Посмотрите, какая заступница! Она просит пощадить бродячих собак, которых в городе ловят арканами!

Взяв карандаш, губернатор шутливо написал на прошении: «Ходатайство удовлетворить».

Запятайку хорошо знал и Антон Павлович Чехов. У него, можно сказать, было личное знакомство с нею.

Раз на пароходе ехали вместе Чехов и дедушка Дуров. Были тут и другие писатели. Дедушка Дуров внушил Запятайке подойти к Чехову и снять с него пенсне. Запятайка подошла к писателю, поднялась на задние лапки и осторожно за оправу сняла пенсне. Чехов очень заинтересовался Запятайкой. Она по его внушению тут же выполнила несколько номеров. Когда Запятайка заболела, он носил её к профессору и просил сделать операцию. Операция была сделана, но это её не спасло. Через несколько дней Запятайки не стало.

В «Уголке Дурова» в Москве есть чучело этой умной собачки. Чучелу придана та поза, в которой она прощалась с дедушкой Дуровым.

В этом чудесном «Уголке» можно увидеть много интересного. Среди птиц есть своя «знаменитость» — ворона Варя. Она разбирает пирамиду, считает на счётах, танцует вальс.

В «Уголке» есть разные звери — от маленького американского енота до большого слона.

Медведица Дочка качает насосом воду. Она всех обеспечивает водой. А воды нужно очень много. Один слон за день выпивает больше десяти вёдер. В жаркое время ему нужно шестнадцать вёдер воды.

Гималайский чёрный медведь умеет танцовать вальс.

Бурый медведь Кубышка умеет вытирать свой носик.

Выше всех зверей и больше всех слон Пунчи.

Он ещё молодой — ему тридцать три года. Но весит он три с половиной тонны. Каждый день съедает сто пятьдесят килограммов пищи.

Но интереснее всего в этом «Уголке» послушать, как говорит ворон.

— Ну, скажи, как тебя зовут? — спрашивают ворона.

Ворон вытягивает шею.

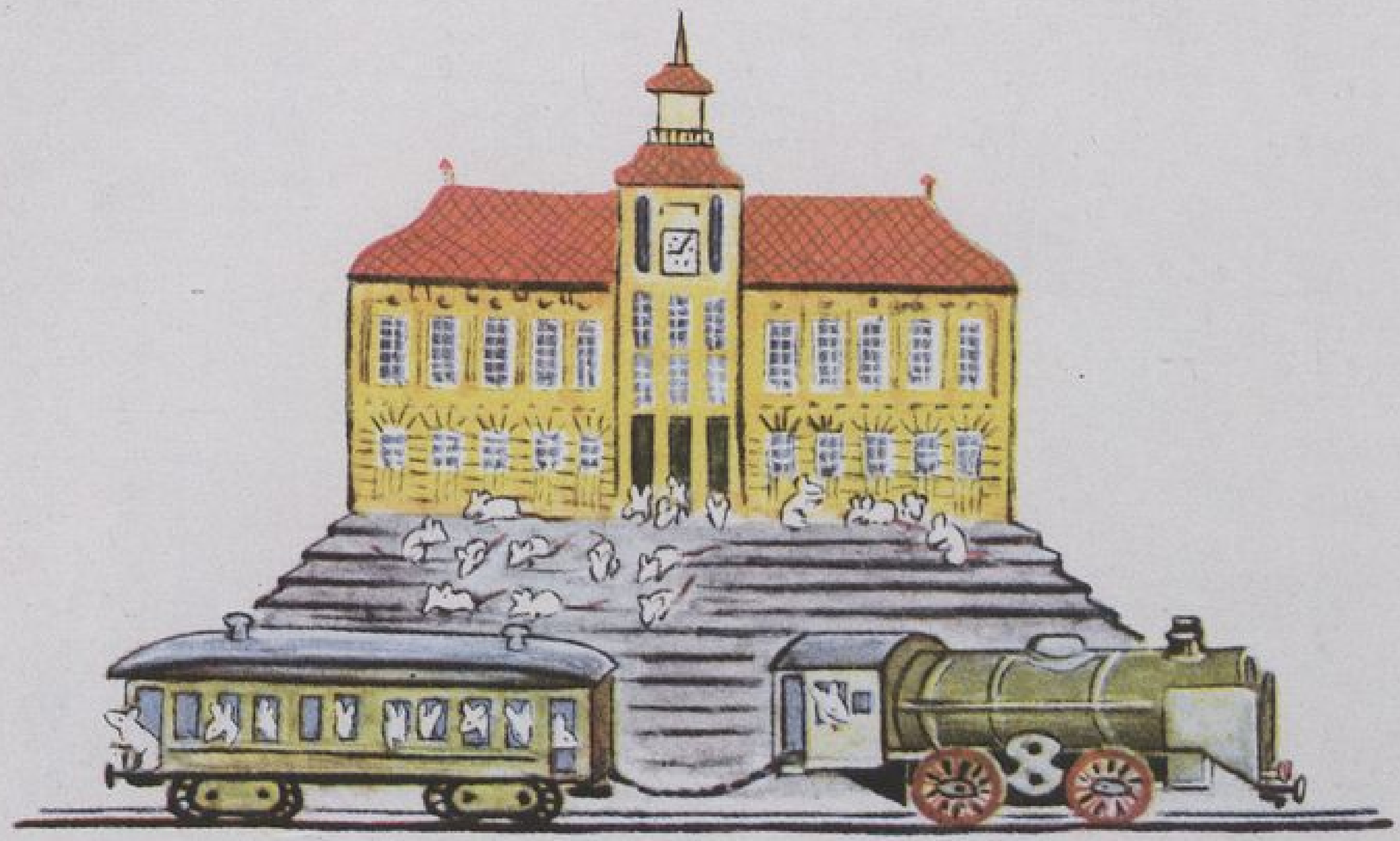
— Во-ро-о-нок! Во-ро-о-нок! — точно и отчётливо произносит ворон.

— А скажи, как тебя по-женски зовут?

— Во-р-о-о-н-у-ша!.. Во-ро-о-ну-ша!

В «Уголке» дедушки Дурова, как в сказке, можно увидеть много чудесного: в маленьком домике живут мышки. Их домик— железнодорожная станция. К станции подходит игрушечный электропоезд. Открываются двери вокзала. Мышки бегут к вагонам. Они торопятся, точно каждая хочет захватить поудобнее место. Свисток. Мышки поехали в путешествие.

Чудесный «Уголок», чудесные звери!



На обложке рисунок Ф. Бочкова

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЁВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.

Рукописи не возвращаются — Техн. редактор Д. Коротаева

Год издания двадцать шестой — **Цена 1 руб.** — Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 3/IX 1949 г. А07783 Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 33 000 зн. в печ. л. Тираж 124 500 экз. Заказ № 1549.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

9861

Напиши рассказ по этой картинке и пришли в редакцию.

4 ОКТ. 1949